

18+

ПРОСТЫЕ СЛОВА

КНИГА ДЛЯ ДРУЗЕЙ

Борис Поляков
Простые слова.
Книга для друзей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523767

ISBN 9785005195012

Аннотация

«Простые слова» – коллективный сборник авторов интернет-газеты «Чернильница», собрание короткой прозы и поэзии. Это – книга для друзей, ведь каждый, кто прочтёт её – наш друг; именно ему авторы сборника готовы поведать то, о чём (в большинстве случаев) молчат в повседневности. «Простые слова» – для простых и в то же время одухотворённых читателей, любящих Слово так же, как и авторы этой книги.

Содержание

Игорь Аблоухов	7
Желания	7
Рецепт	9
«Как давно я в тебя влюблённый!...»	10
«Словно кистью прошлась златоглавая осень ...»	11
«Позвони мне и напиши...»	12
Танец огня	13
Предотпускное	14
Мой город	15
Волшебница-ночь	16
Зима нашей жизни	17
«Всё, как обычно: лето, зима...»	18
Вадим Булатов	19
ДОРОГА—2	19
КО ДНЮ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА	22
ДОРОГА—4	24
ДОРОГА—5	27
ДОРОГА—7	29
Дмитрий Галь	34
«Давай до зореньки не спать...»	34
«Как в глубине пространств и толкований...»	35
«...Благая и незнаемая статья ...»	36

«Как холодно и горько... Час настал...»	37
Читают рядом Пастернака...	38
«...На юг отплыли нынче корабли...»	40
«Я обретаю голос тайно, в муках...»	41
«Не сдерживай горячее дыханье...»	42
Олег Гальченко	43
«Наш век двадцать первый давно возмужал и окреп...»	43
«Все мечты идиотов сбываются проще...»	45
«Ты дремлешь тихо, мой из детства сад...»	47
«Над спящей землёй шумит ураган...»	49
«Если б мог я в чужие заглядывать сны...»	51
«День, похожий на другие – тоже день...»	53
СЕКТА	55
МАРГИНАЛ	58
Елена Гаращук	60
УТРО	60
Колокольчик	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Простые слова

Книга для друзей

Борис Поляков *Автор-составитель*

ISBN 978-5-0051-9501-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 2007 г., когда вышел первый номер самиздат-проекта «Чернильница», никто не мог предсказать его долголетия. Газета объединила авторов из разных уголков России. Всё это вылилось в 19 печатных номеров и полноценную книгу «Чернильница. Книга для друзей» (изд-во «Спутник +», 2012 г.). Затем была пауза длиной в шесть лет, и в 2018 г., словно птица феникс, газета возродилась – уже в новом воплощении, электронном, следуя веяниям эпохи. Теперь за моими редакторскими плечами 35 номеров.

Одни авторы уходили (некоторые – в вечность – Сергей Андриянов (Весоед Дальневосточный), Галина Борисова, Снежана Андрианова, Алла Зенина – мир их праху...), другие приходили... Но неизменным оставалось одно – верность Слову, любовь к литературе, дух энтузиастов и романтиков.

Благодаря литературному объединению «СоHeT», которое возглавляет карельский поэт Олег Гальченко, «Чернильница» обрела второе дыхание, приняв на свои страницы но-

вых друзей-авторов. Но и старые (не обязательно по возрасту) друзья не забывают газету, делятся стихами-мыслями и, конечно, письмами-откликами.

Пришла пора новой книги, в которой, как и прежде, будут простые слова – о любви, вере, родном доме... о чём угодно! Именно так, по-простому, без лишнего пафоса, беседуют друзья, делясь сокровенным. Это – книга для друзей, ведь каждый, кто прочтёт её – наш друг; именно ему авторы сборника готовы поведать то, о чём (в большинстве случаев) молчат в повседневности. «Простые слова» – для простых и, в то же время, одухотворённых читателей, любящих Слово так же, как и мы, авторы этой книги.

, Борис Поляков

член Российского союза

профессиональных литераторов

Игорь Аблоухов

Желания

Мои желания скромны.
Но минимум старания —
Глядишь, до неба подрастут
Все скромные желания.

Немного ласки, нежный взгляд,
Да каплю сострадания, —
И вот уже растут, растут
Все скромные желания.

Они взлетают в высоту,
Они поют всю ночь.
Они кричат: «Хорош молчать!
Гони всю скуку прочь!»

Они зажгут огонь в воде,
И вечером – рассвет.
Им волю дашь – они живут
По сто, по двести лет!

Но если хочешь потушить —

То погаси костер
Пренебреженьем, а ещё
Добавь суровый взор.

Тогда они уйдут опять
На много-много лет...
Но кто тогда, скажите мне,
Зажжёт с утра рассвет?

Рецепт

Если взять стакан любви
И три ложечки прощенья,
Завернуть в твои объятия
И добавить ощущенья
Позабытые давно
(Что исчезли в суматохе),
И разбавить ночью нежной,
Где слышны лишь страсти вздохи,
Вспомнить юные года,
Взгляды детские украдкой,
Вспомнить нежный поцелуй,
Самый первый, самый сладкий,
Всё умножить на судьбу
И добавить расставанья,
А ещё приплюсовать
Встречи рук, волос касанье,
То получится у нас,
Что в любое время года:
Нежность рук, сиянье глаз...
И судьба моя у входа.

«Как давно я в тебя влюблённый!..»

Как давно я в тебя влюблённый!
От тебя всегда чуточку пьяный.
Так люблю этот взгляд (такой нежный),
Аромат волос твоих пряный!

Так прекрасно пахнут корицей...
Я, увидев тебя, немею.
И когда незнакомые лица,
То коснуться уже не смею.

Ты давно забрала моё сердце,
Отогрела его, приручила.
Это было совсем ненароком,
Когда всё было мне не мило...

Я доволен своею судьбою
И люблю аромат этот пряный.
Так живу: бесконечно влюблённый,
От тебя всегда чуточку пьяный.

«Словно кистью прошлась Златоглавая осень ...»

Словно кистью прошлась златоглавая осень —
И по листьям берез, по кленовым листьям.
Ветер шорох аллеи вдаль тихонько уносит.
Мы с тобою вслед ветру идём по пятам.

Утопает земля в красках жёлто-багряных.
Так приятно ногами листву ворошить!
Тихий шорох вокруг, мы любовью вновь пьяны,
И природа сполна хочет нас наградить.

Наградить за года, проведённые вместе,
За года, что с тобой провели не вдвоём.
Мы идём по аллее под небом созвездий
И любовь своей жизни в коляске везём...

«Позвони мне и напиши...»

Позвони мне и напиши,
Я не видел тебя лет двести.
В этой северной дикой глуши
Так прекрасно было нам вместе!

Мы встречали закат и рассвет
И купались в лунной дорожке,
Улыбалось солнышко нам.
Жаль, что лета было немножко.

Развели нас дороги-пути.
Где ты едешь, скитаясь по свету?
Позвони мне и напиши.
Я люблю. Лишь теперь понял это.

Танец огня

Пламя танцует, пламя ласкает,
Пламя бушует, пламя играет.
Ветер добавит танцу страстей:
Кружится, пляшет быстрее и быстрее!
Вправо ли, влево ли кинется пламя,
Но не сбежит. И останется с нами.

Там, ночью тёмной, задором огня,
Ты, моё пламя, чаруешь меня!

Предотпускное

Вы закрыли дверь плотнее?
Открывайте нараспашку!
Чтоб дела все улетели,
Унесли с собой бумажки.

Чтоб ворвался свежий ветер
С запахом морского бриза,
И, причёски вдруг взъерошив,
Поверху промчался, низом...

Пошутил – и вдаль умчался,
Прихватив с собой заботы...
Пару дней – и будет отпуск.
Мы начнём его с субботы!

Мой город

Мой собственный город, каким бы ты был,
Когда бы я стал тебя создавать?
Уютность улиц, домов и квартир, —
Никто не захочет тебя покидать.

Пусть невысокими будут дома,
Простор во дворах и размах площадей.
И неширокие улицы в нём,
Немного машин и много людей.

Вечером свет прольют фонари,
Будет покой и будет уют:
Плавность реки и зелень лесов
В городе этом комфорт создадут.

Люди решат, как город назвать —
Жить в этом городе будут они.
Умные, смелые – честный народ
В нём проживёт прекрасные дни!

Совесьть не будут в нём продавать,
Мнение граждан – верховный закон.
Эх, размечтался... Но всё же скажу:
Я в этот город сильно влюблён!

Волшебница-ночь

Птицы смолкают, гаснет закат,
Тревоги уходят прочь.
Скоро уснут все, и нам спать пора —
Приходит Волшебница-ночь.

Полночь настала, часы снова бьют,
И сон нам не превозмочь...
Спит тихо дом, и мы идем спать —
Ночь, Волшебница-ночь.

В сон к нам заглянет лучик Луны —
Мысли распутать помочь.
Знаю, любимая крепко спит
В ночь, Волшебницу-ночь!

Утро наступит, солнце взойдёт,
Сны убегут разом прочь.
Где же весь день прячешься ты,
Ночь, Волшебница-ночь?

Зима нашей жизни

Падает тихо-тихо
Пушистый холодный снег.
Осень прощается с нами,
Зима начинает разбег.

Снег ложится на сердце,
Лежит у нас на волосах.
У многих есть осень в жизни,
Но не у всех – в сердцах.

Рано зима наступает —
Многое надо успеть.
Жаль, что снег не растает,
Жаль – продолжаем взрослеть.

Все мы по жизни дети,
Все мы любим весну.
Падает снег пушистый,
Готовятся люди ко сну...

«Всё, как обычно: лето, зима...»

Всё, как обычно: лето, зима,
Осень меж ними настала.
Вроде, к закату жизнь подошла,
Только мне этого мало.

Мало рассветов, мало страстей,
Мало объятий любимых.
Время летит всё быстрее и быстрее,
Мчит, ускоряясь, мимо.

Я не хочу отставать от него,
Лучше – идти бы в ногу.
Но не успеть: несётся вперёд,
Что вызывает тревогу.

Можно, конечно, сесть и всплакнуть,
Но слёзы мне – не подмога.
Попутный транспорт. Ну что же – в путь!
Я вновь собираюсь в дорогу.

Вадим Булатов

ДОРОГА—2

Мальчик шёл в полной темноте, осторожно переставляя ноги, с вытянутыми вперёд руками.

– Кто-нибудь, – кричал он, – зажгите свет, осветите всё вокруг, я так боюсь темноты!

Но временами он слышал лишь эхо собственного крика. И он продолжал идти.

Теперь это уже был юноша. Его шаг стал более уверенным, а руками он всё реже и реже ощупывал лежащее впереди пространство.

– Люди, осветите хотя бы ту дорогу, по которой я иду. – Его голос уже не срывался на крик, стал более спокоен. – Неужели я так и не увижу какой-нибудь прожектор? – вздыхал он. И продолжал идти.

Теперь это уже был молодой мужчина. Он шёл уверенно, не торопясь. И только когда натыкался в темноте на какие-то преграды, руками потирал ушибленные места, отталкивался от препятствий и продолжал свой путь.

– Ну где-то же ведь должна быть лампочка, которую можно включить, или факел, который можно зажечь? – вполголоса разговаривал он сам с собой. И шёл дальше.

Теперь это был взрослый мужчина. Его голову начала пробивать седина, а кожа на всём теле огрубела от частых падений, ударов, камней на дороге, по которой он шёл. Раны и ссадины, наслаиваясь друг на друга, учили человека стойко переносить боль. Натруженные мышцы, как отлаженный механизм, не давали расслабиться ни ногам, ни рукам. Человек уже понял, что, возможно, он так и не увидит свет, но остановиться уже не мог.

– Силы небесные, дайте мне хотя бы увидеть лучик маленького фонарика, – шептал он. И шёл дальше.

Это уже был пожилой человек. Но шаг его, вопреки всей логике, не замедлился, а наоборот, он часто старался бежать.

– Скорее, скорее, – неслись его мысли, – возможно, я ещё увижу огонёк свечки или, хотя бы, спички.

Он шёл быстро, потом бежал, уставал, переходил на шаг, отдыхая таким образом. А потом снова бежал. И снова шёл.

Это был уже старик. Он никуда не торопился, но всё же шёл. Он просто искал место, где можно было бы умереть.

И вдруг он услышал, как кто-то сказал, тихо так сказал, негромко: «Посмотрите, а ведь кто-то же шёл столько лет в этой темноте». И кто-то зажёл спичку. И сам не зная отчего, старик дунул на эту спичку, и огонёк исчез.

Кто-то зажёл фонарик и осветил им в лицо страннику. Но озлобленный старик бросился на этот фонарик и выбил его из чьих-то рук, и уже после того как он погас, долго топтал эту маленькую вещь.

Загорелась лампочка. Старик подобрал камень и не промахнулся.

А вокруг уже кричали, свистели, улюлюкали: «Вот он, посмотрите! Это он всю свою жизнь шёл в темноте! Один! Он столько прошёл!» И один за другим включались прожекторы, заливая светом и старика, и его дорогу.

А старик в бессильной злобе подбирал валяющиеся на дороге камни и кидал их туда, откуда нёсся на него этот бесполезный теперь свет.

КО ДНЮ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Это сейчас школьницы сбрасываются перед 23-м февраля на подарки мальчикам и дарят всем одноклассникам одинаковые сувениры. Но были времена, когда каждая девочка преподносила подарок лишь от себя – тому, кто ей нравился. И если девочек в классе было больше, чем мальчиков, а чаще всего так и получалось, кое-кто из будущих защитников Отечества получал не один, а два, а то и три разных подарка.

Но рыжеволосый, с сильно оттопыренными ушами, нескладный, даже немного страшенький мальчик Саша, тихоня и троечник, ни у кого из девочек симпатий не вызывал, и потому на 23-е февраля часто оставался без подарка...

Безжалостно быстро отзвенело озорным смехом, отboleло синяками и ссадинами, отсластило первыми поцелуями бесшабашное детство. Отсиделись в вузах бывшие отличники и хорошисты, оттрубили от звонка и до звонка хулиганы и двоечники, откосили от армии и будущие бандиты, красавцы и спортсмены. И только невзрачный юноша, молчун и тихоня, уехал из родного города, чтобы сменить удобные ботинки со шнурками на кирзовые солдатские сапоги.

Неумолимо быстротечно отшумела пьянками-гулянками, отгремела разборками-выстрелами, отгорчила браками-разводами удалая молодость. Обзавелись детьми и семьями,

степенями и лысынами бывшие отличники, приобрели вес и положение в криминальном мире бывшие спортсмены, тусуются возле магазинов, среди таких же замызганных, как они сами, бывшие хулиганы. Но, как прежде, всем им, в День Защитника Отечества женщины делают подарки: кому жены – одеколон и галстук на шею, кому любовницы – домашнюю выпечку и миленькую безделушку, кому пьянчужки из соседнего подъезда – открыточку десятилетней давности.

И только коротко остриженному, с сильно оттопыренными ушами, обыкновенной внешности молодому человеку, смотрящему теперь на мир с гранитной плиты с золотой звёздочкой, никто ничего не дарит.

ДОРОГА—4

Человек шёл по дороге. И его дорога была разной. Зимой – снежной, холодной, скользкой, весной – расхристанной, грязной, оживающей, летом – знойной, твёрдой, пыльной, осенью – унылой, прохладной, мокрой. Но какой бы ни была с ним его дорога – злобной или приветливой, – он шёл по ней, с надеждой глядя вперёд – туда, где, по его мнению, должен был находиться Город Счастья.

Как-то он повстречал плачущую девушку. Он узнал, что её бросил возлюбленный.

– Пойдём со мной, в Город Счастья. Там ты обязательно встретишь того, кто полюбит тебя по-настоящему, и ты сама вновь испытаешь любовь.

И девушка пошла с ним.

Далее они встретили немощного и кашляющего человека. Он не следил за своим здоровьем и быстро состарился.

– Пошли с нами, в Город Счастья. Там ты обязательно поправишь своё здоровье и снова будешь молодым.

И несчастный поплёлся за ними.

И уже тройца как-то догнала человека, который пожаловался им, что остался совсем один, без родных и друзей. И тогда ему предложили идти вместе, чтобы дойти до Города Счастья, где он сможет обрести друзей и семью.

Идущих стало больше.

Им встречались голодные. Человек давал им еду, звал идти вместе с ними в заветной Город, и многие присоединялись к шествию.

Им встречались бездомные. Им встречались отчаявшиеся. Им встречались те, у кого не было никакой цели в жизни. И Человек всех звал идти в Город Счастья.

И вскоре процессия растянулась: сначала на десятки метров, потом на сотни, а затем и на километры.

Попадавшие на пути люди теперь уже сами интересовались: а куда это движется такая армия... И присоединялись... присоединялись... присоединялись...

Но вот, что получалось: чем длиннее становилась колонна, тем чаще в ней возникали возгласы недовольства.

- Ну и когда будет этот Город Счастья?
- А существует ли он вообще, этот Город?
- Похоже, что нас дурачат!
- Нас обманывают!
- Никакого Города Счастья не существует!

А Человек старался успокоить людей, уговаривал, обнадеживал, просил верить, убеждал, что надо продолжать путь – и тогда Город, где исполняются мечты, обязательно появится на горизонте.

День ото дня, призывая огромное количество людей идти за ним, Человек заболел и уже еле передвигал ноги. Но он ни на минуту не сомневался, что Город существует, и они до него дойдут...

И вот, когда некоторые стали отставать и поворачивать обратно, когда толпа уже не просто возмущалась, а ревела от негодования, проклиная, как только можно, и Человека, и его Город, за рассеявшейся вдалеке пылью, в лучах закатного солнца показался он – Город Счастья.

Какой же он был красивый! Он напоминал пирамиду, которую венчала высочайшая башня. Свет, исходящий от него, слепил глаза, а его стены переливались всеми цветами радуги.

С воплями дикого восторга и необузданной радости, с жадой как можно скорее воплотить в реальность свои желания и мечты, люди устремились к Городу...

Они не заметили, как повалили Человека, ведущего их.

Они хотели счастья!

Они не заметили, что Человек лежал у них под ногами.

Они сильно хотели счастья!!

Они не заметили, что бежали, наступая на Человека.

Они очень сильно хотели счастья!!!

...История эта умалчивает о том, что нашли в том Городе люди. Стали они счастливыми или нет, неизвестно.

...Но Человек, раздавленный на дороге бегущими, умирая, был счастлив.

ДОРОГА—5

Однажды время остановилось. Замерло всё: люди, животные, облака, дождь, реки, даже ветер перестал шевелить листву и гонять мусор на дороге, по которой шёл странный человек.

Да, всё замерло... А он шёл... И там, где он появлялся, жизнь возобновлялась. Мало того, все «оживающие» общались с этим человеком. А странным он казался ещё и потому, что нёс на каждом плече по мешку.

И каждому человеку он предлагал, на выбор, либо из одного мешка, либо из другого. В одном мешке у него находилось богатство – пластиковые карточки, на каждой из которых лежало по миллиону самой дорогой валюты мира. И люди охотно брали из этого мешка.

А вот из второго мешка не брал никто. И когда этот странный человек обошёл всю планету, всех людей, один из его мешков стал пустым, а второй так и остался нетронутым. После чего странный человек исчез, а жизнь на земле стала прежней.

Хотя прежней назвать её уже было трудно. С одной стороны, люди и животные двигались, решая свои проблемы, облака перемещались по небу и сбрасывали на землю осадки, реки снова побежали к озёрам, морям и океанам, а ветер и дальше гонял листву и мусор по дворам и улицам.

Но, с другой стороны, в мир пришло больше горя: между родственниками начался делёж имущества, супруги стали разводиться, соседи перессорились друг с другом, на работе усилились разлады, мир погряз в склоках, раздорах, лжи, пьянстве, воровстве, грабежах, насилии, убийствах.

И как закономерность происходящего – на планете развязалась очередная мировая война.

А странный человек уже шёл по дороге, которая теперь пролегла вдалеке от недавней планеты, среди других звёзд и миров. У него же ещё оставался один полный мешок.

И в этом мешке находилось... СЧАСТЬЕ.

ДОРОГА—7

Моим бабушкам – Лидии Михайловне Усович и Анастасии Герасимовне Булатовой посвящается.

От Чигитино до райцентра всего семь километров. Именно поэтому, а ещё и из-за того, что в этой деревне осталось лишь четырнадцать дворов, рейсового автобуса здесь уже не видели много лет. Раз в неделю сюда заезжал магазинчик на колёсах: привозил старикам (а в деревне жили исключительно пенсионеры) хлеб, муку, крупы, сахар. Да ещё раз в месяц привозили пенсию. Газеты и журналы здесь не выписывали, писем практически не получали.

В одиннадцати домах семьи были полными: старик и старуха, встречались даже до восьмидесяти лет, а в трёх – жили только старухи. А самой старшей из них, да и старшей во всей деревне, минуло аж девяносто четыре года. Её домик стоял на отшибе. Да и на домик он как бы уже похож не был: что-то коричнево-серое, покосившееся и провалившееся в землю, с тёмными засаленными окнами. Деревенские судачили: что вперёд прикажет долго жить – домик этот или Герасимовна?

А домик этой самой Герасимовны, казалось, не сдавался лишь потому, что жива ещё была его хозяйка, и вот не сегодня-завтра умри она, так в день её похорон, наверняка, закончился бы и его век.

А ещё местные жители считали Герасимовну сумасшедшей. Но не шутили по этому поводу, не злословили. Знавшие её долгое время понимали, что ей пришлось пережить. Это у них дети перебрались кто в райцентр, а кто и в город, устроились там, вырастили им внуков, и даже правнуками кое-кто мог похвастаться. А у Герасимовны не было никого...

В сорок втором сторел в танке её муж. Её сыновья тогда совсем маленькими были: одному три, а другому – его даже отец его не видел – годик. И она в одиночку, да это тогда обычным делом было, вырастила деток, на ноги их поставила... И в армию отправила... А они офицерами стали...

Старший её сын погиб во Вьетнаме. Младший – остался в Анголе. Его тело даже не привезли. Её старший внук, призванный на срочную службу, сложил свою голову в Афганистане. Младший внук не вернулся живым из Приднестровья. А его сын, единственный правнук Герасимовны, получил свою пулю в Чечне.

Её невестки и жена её второго внука вышли замуж повторно, а про бывшую свекровь забыли.

Вот и тронулась умом Герасимовна – уверены односельчане. А как ещё объяснить тот факт, что с приходом весны она с утра до вечера на своём участке: сажает, поливает, пропалывает и даже сено ходит косить для своей козы – на зиму заготавливает. И зимой не отдыхает: делает красивые круглые коврики. Она плетёт их огромным крючком из длинных

цветных тряпочных полосок, нарезанных из разных ненужных вещей, которые ей отдают соседи. А как только наступает время урожая, старуха каждый день ходит в райцентр и там, на рынке, продаёт и коврики, и козье молоко, и огурчики, и прочую зелень со своего огорода. Видели её там.

«Это ж какие деньжищи она заколачивает, и откуда только силища у неё такая, столько работать – перетирают между собой бабки, – а живёт бедно: дом не починит, из продовольствия только хлеб покупает. Небось, деньги в сундук складывает. А для кого? Явно с ума сошла».

Пять часов утра, а Герасимовна уже встаёт, проходит по своим грядкам, доит козу, собирает рюкзачок за спину и две корзинки и, пока ещё прохладно, идёт на рынок. Бывает холодно утром. А она идёт. Ветер порой разойдётся, сорвать пытается одежду с Герасимовны. А она идёт. Дождик с ночи никак не закончится. Слякотно на дороге. А она снимет тапочки, перейдёт в траву на обочину, чтобы не поскользнуться, и идёт.

Только губы её что-то постоянно шепчут. Но так ведь сумасшедшие же разговаривают сами с собой...

У неё уже давно «забитое» на районном рынке место. Здесь её все знают. Но и как деревенские – тоже считают не вполне здоровой на голову. Нелюдимая, малоразговорчивая, всегда сбивающая цену и не торгующаяся с покупателями. У неё уже свои постоянные клиенты: знают, что у этой старушки можно купить подешевле. А она продаст товар по-

быстрому и в деревню, к хозяйству своему.

Вот только по пути зайдёт в отделение банка, заполнит квитанцию (её натруженные жилистые руки с «набрякшими» венами и скрюченными от ревматизма пальцами ещё крепки, почти не дрожат) и перечислит всю свою выручку... в Фонд Мира...

Когда она возвращается, солнце уже высоко. Припекают его лучи изборождённое морщинами смуглое лицо Герасимовны. А губы шепчут:

– Нет войне.

Резвится ветер. Срывает косынку с седых волос. А губы шепчут:

– Нет войне.

Несётся пыль по дороге между полями. Так и норовит попасть в глаза. А губы шепчут:

– Нет войне. Нет войне.

Семят маленькие ножки. Торопятся. Ещё многое надо успеть. А губы шепчут:

– Нет войне. Нет войне!

Чуть слышно несутся тапочки: топ-топ-топ, топ-топ-топ.

– Нет войне! Нет войне!! Нет войне!!!

Но войны не кончаются. И вот уже новая. Она совсем близко. Граница недалеко: оттуда иногда доносятся звуки взрывов. Там льётся новая кровь. И там снова погибают чьи-то мужья, братья, дети, внуки, правнуки.

Но губы шепчут. Губы продолжают шептать. Они шепчут.

Шепчут губы.

Губы шепчут. Шепчут! Шепчут!! Шепчут!!!

И если подняться на высоту птичьего полёта, то среди жёлто-зелёных полей, на дороге, разъединяющих их, можно заметить движущуюся серую точку, одну на этом огромном пространстве, которое кажется таким спокойным и безмятежным. Это – Герасимовна. Она ходит по этой дороге уже много лет. У неё уже не осталось других дорог. Да и слов у неё других не осталось. Её губы шепчут одно:

– Нет войне. Нет войне! Нет войне!!!

Дмитрий Галь

«Давай до зореньки не спать...»

Давай до зореньки не спать
И с петухами ждать рассвета.
Ещё в отлогах тьма, и падь
Лучом рассветным не согрета;

И запах дыма от свечи
Пока не выветрен, устойчив, —
Перо в чернильнице смочив,
Тетрадку выберу потолще:

Как залихватски соловей
Со мной вступает в состязанье!..
Скорей в строку мою, скорей
На голос скоморохов ранних,
Бредущих меж веков, в пыли,
Откликнусь эхом запоздалым...

...И строчки, рдея, увели
За лист, за век... Куда попало!

«Как в глубине пространств и толкований...»

Как в глубине пространств и толкований
Сливаются в одно века и лист,
Что белизны стыдится... Или ранен
Тем, что ухабист путь к столу и мглист,
Как небо к осени, как утренний туман,
Как забродившая – ещё несвязно! – речь, —
И первый звук, как выплеск первый, дан,
Чтобы к себе внимание привлечь
С исходной стороны, с изнанки, с мет,
Что помнятся – едва, едва, едва...

Но я огнём божественным согрет,
Вхожу, как в реку, в главные слова...

«...Благая и незнаемая статья ...»

...Благая и незнаемая статья —
Зерцало вод туманных, берег мшистый, —
Я очи долу не могу поднять:
Не говори, что ясны и лучисты...

Какие мне пророчества на днях
Выстукивала за окном синица? —
Что ей расскажешь бегло, второпях,
О дне, который длится, длится, длится...

...Бери-ка снова старую тетрадь
И слушай голос бранный, одинокий, —
Я так и не умею понимать
Из сора возникающие строки...

Их не найти, поверь мне, не найти:
Безвременье легло на век, на два, —
Мучительны и гибельны пути,
Раз тщетен звук... И дышится едва.

«Как холодно и горько... Час настал...»

Как холодно и горько... Час настал,
Мерцать огню над бездной ли, во взоре, —
И гулом наполнялся тёмный зал,
Как в ночь перед убийством... Или вскоре.

А ты впервые в жизни глух и нем:
Что голос, сорванный на переправе? —
Из двух больных и перевозданных тем
Ни об одной здесь толковать не вправе...

...Едва касаясь чистого листа,
Его незрячести над белизною кожи,
Строке не быть единственной из ста,
Пока Господь, лукавя, не поможет.

Как – помнишь? – про наполненный сосуд
И силу, что нашла в нём заточенье:
За малый грех полюбят и спасут,
За свет неугасаемый вечерний...

Читают рядом Пастернака...

I

II

Читают рядом Пастернака:
Понять... И не сойти с ума,
Как нотного брожение знака
И партитурная чума...

Бывает, что от писем строгих
Седеешь к тридцати годам,
Петляют строки, как дороги,
Им по крупицам всё отдам

За час, за миг без суеты,
Без голоса из дали лет...
Я с Летой перешёл на «ты», —
Тиха, как сон... Возврата нет.

А голос, что звучит устало
Из дальних лет, из ближних вотчин,
Твой век преобразует в малость,
Чем вдохновеннее, тем проще, —

Сшибутся в образе едином,

Как слётки первородных тем —
Вода и воздух, соль и глина,
И далее – ко всем, ко всем...

Читают рядом Пастернака
И жизнь на пустячок велась:
Я жду ответа или знака,
Что с веком неразрывна связь...

«...На юг отплыли нынче корабли...»

...На юг отплыли нынче корабли,
С попутным ветром не было хлопот,
Как палубу, душа меня скоблит
И выжигает изнутри, что вот,

Остался я один, как перст, один
С листвою, с колокольнями, с дождём
До ранней замяти, пустот, седин...
Давай сперва итогов обождём?

Я выясню ещё, как тьма густа,
Как светоносны воздух и вода,
И что в росинке с прелого листа
Открылась дверь... В незримое. Туда.

...И выскользнет перо из мёртвых рук,
Смещаясь, дрогнут времена и тени,
Но Лета шумная не сразу и не вдруг
Течение на полверсты изменит...

«Я обретаю голос тайно, в муках...»

Я обретаю голос тайно, в муках,
Как исповедь ушедшего тепла...
Эпоха извелась и стала гукать,
Обрадовалась: всё-таки, цела.

Чуть дрогнет шаг... Опять о нём, о личном? —
Иных свидетельств, в общем, не набрать, —
И росчерк, что осмыслен и привычен,
Ослушается моего пера...

Как чуден свет!.. И голос, и виденье —
Я больше верю, чем хочу понять, —
Когда январь в исподнее оденет
И оголённый лес, и тьму, и падь,

Я не спрошу о выводах, о дате,
О колокольном звоне за бугром
И об эпохе... Чтобы всё отдать ей
Или забыть, не думая о том?

«Не сдерживай горячее дыханье...»

Не сдерживай горячее дыханье
И куролесь, и майся, и спеши:
Как льётся масло невзначай у Анны,
Как над строкой висят карандаши,
Не смея опуститься час и два —
Ещё узнаешь... В свой черед допрёшь,
Как подбирать мучительно слова
И перебарывать и сыпь, и дрожь,
Когда заглядывает в сердце тьма...
Без стука, ясен пень. Что ей – засов?

Изобретательна, поверь, весьма
В попытке выведать, сюжет каков? —
Натура человечья... Но ведь спрос
Рождает то, что ей и невдомёк —
Вот берег у небес уже оброс
Лавровой рощицей... И вышел срок.
Как запустенья избежать, как бечь
Склоненных трав, холмов пологих, брат?

Вернись домой, где затопляет печь
Жена... И о тебе лишь говорят.

Олег Гальченко

«Наш век двадцать первый давно возмужал и окреп...»

Наш век двадцать первый давно возмужал и окреп,
Но как глубоко ни дыши, не запахнет великим.
Всё больше вокруг виртуозно читающих рэп,
Всё меньше вокруг виртуозно читающих книги.
Всё больше идущих под радостный марш на парад,
Всё меньше способных испытывать чувство досады.
Я, видевший это когда-то лет тридцать назад,
За всем наблюдаю сейчас как шпион из засады.

Вот – давний соратник, бунташной эпохи певец,
По службе продвинулся вверх и не бредит стихами.
Он всё, что хотел, получил от судьбы, наконец,
Когда продавался вчерашним врагам с потрохами.
И, если возможно на этом нелёгком пути
Узнать, что уже не пустуют его баррикады,
Дай Бог понадёжней былые следы замести!
А я наблюдаю за ним как шпион из засады.

Вот – тоже из наших, почти неизвестный солдат,

Искавший себя, где нога человека не ступит.
Он жил нараспашку, всегда говорил невпопад —
Такому и в транспорте места никто не уступит.
А что говорить о карьере? Всему свой предел.
А дальше – края, где уже суетиться не надо.
И кто ему верил – все тоже давно не у дел.
Лишь я наблюдаю за всем как шпион из засады.

Когда-то себя мы считали творцами судьбы,
Весь мир изменить обещали и дерзко, и круто,
Но только устали от этой пустой похвальбы
И дальше развилки дорог не ушли почему-то.
Краплёными картами время играло всегда
Со всеми, кто ждал за работу высокой награды.
А, в общем-то, все мы однажды явились сюда,
Чтоб не было скучно глядящим на нас из засады!

«Все мечты идиотов сбываются проще...»

Все мечты идиотов сбываются проще,
Потому, что дешевле запросы у них.
Хоть чудес не творят их корявые мощи,
Но везде, где пролезут, сойдут за своих.

Трудно жить с беспокойною совестью в ссоре,
А на трезвую голову – даже грешно.
И умы их хозяевам – только на горе,
И на всех это горькое горе одно.

А мечты идиотов сбываются чаще.
Нищим духом последний мы грош отдаём.
В нашем мире охотно жалеют пропащих,
Но боятся готовых стоять на своём.

Тут за что ни запнёшься – среда виновата
И уклад, уходящий в глубины веков.
Тут кого ни возьми – обезьяна с гранатой,
И любая страна – как Страна Дураков.

Для кого же Земле нашей дряхлой вращаться?
Галилеев-то нет, инквизиторов – рать!
Видно, в каменный век нам пора возвращаться,

Чтобы камни за пазуху вновь собирать.

Нет на свете скучней и нелепей работы,

Чем опасные мысли копить про запас.

Но, покуда умеют мечтать идиоты,

Что-то может ещё измениться у нас...

«Ты дремлешь тихо, мой из детства сад...»

Ты дремлешь тихо, мой из детства сад
Под хмурым небом средней полосы.
Простились мы почти сто лет назад
В рассветный час серебряной росы.
Никто не знал, что это навсегда.
Слова прощанья не вспорхнули с уст.
И не манили даже сны туда,
Где знал меня младенцем каждый куст,
Где спелых яблок падающих стук
Тревожил ночь как будто не к добру,
Где кроны ив – задумчивых подруг —
Таинственно шептались на ветру.
И плеск речной волны невдалеке...
Ты дремлешь, сад? Ты грезишь наяву?
Святое что-то есть в твоей тоске.
Чужие люди мнут твою траву.
У тех людей косноязычна речь,
И жаден взгляд, и помыслы просты.
Им не понять, а значит не сберечь
Уюта твоего и красоты.
Из сердца вон скорей и с глаз долой!
Давно пора сереть асфальту здесь!
Вдруг старый ствол застонет под пилой,

Напоминая всем: «Я есть! Я есть!!!..»
И я от боли вскрикну, может быть,
Услышав ту последнюю мольбу.
Прости, мой сад! Я смел тебя забыть,
Но я делю с тобой твою судьбу!
Мой светлый рай! О тайном помолчи!
Храни покой смиренно до поры,
Пока лихие наши палачи
Неторопливо точат топоры!..

«Над спящей землёй шумит ураган...»

Над спящей землёй шумит ураган,
И ветер ночной поёт как цыган,
Мечтая задуть звезду как свечу.
И клин журавлей замыслил побег.
Жалей – не жалей, что я человек,
Я тоже живой, я тоже хочу!

В ознобе дрожа, гудят провода.
Не спят сторожа... Не важно куда,
Возьмите меня! Я щедро плачу!
Отменят рассвет – и тьма на века!
Туда, где нас нет, дорога узка.
Я тоже живой! Я тоже хочу!

Удушье и гарь... Ни неба, ни дна...
В рассудке ли хмарь, душа ли больна,
А совесть нести какому врачу?
Себя предавал – а каяться как?
Себя убивал – и вновь, как дурак,
Я тоже живой! Я тоже хочу!

Я – раненый зверь на голой земле.
Чем жить мне теперь? Опять на столе
Белеющий лист. Я молча кричу:
Пустите меня в ваш мир как в Сезам,

Где столько огня, что больно глазам!

Я тоже живой! Я тоже хочу!

«Если б мог я в чужие заглядывать сны...»

Если б мог я в чужие заглядывать сны,
Мне бы не были умные книги нужны,
И казалось бы скучным любое кино,
Есть ли музыка в мире – и то всё равно!
Не манил бы меня никакой Интернет,
Где так много всего – но и многого нет,
И немymi бы виделись все словари,
Что листаю ночами порой до зари.

Ночь темна и душна, словно дом без окон.
Тайны грёз охраняет суровый закон,
И его отменить не под силу ни мне,
Ни главе государства. Что, может, вполне
Справедливо. Но втайне я всё же боюсь,
Что кому-то порою назойливо снюсь
И такое творю без зазренья стыда,
Что в башку наяву не придёт никогда.

Я не против. Меня бы хватило на всех.
Грех – не грех, если дело имеет успех.
Нам, злодеям, любой беспредел по плечу.
(Если кто не умеет – то я научу!)
Мы-то знаем – в природе запретного нет,

А в России злодей – это дважды поэт.
И ему безнаказанность так же к лицу,
Как к лицу вдохновенье любому творцу.

Но, умей я чужие подглядывать сны,
Даже будни бы не были нынче трудны.
И я точно бы знал, кем кому прихожусь
И каким иногда беспричинно кажусь,
Кто обиды таит на меня много лет,
Кто – причина моих нескончаемых бед...
Не сжигал бы я годы бездарно дотла...
Но судьба занавесила все зеркала!

«День, похожий на другие – тоже день...»

День, похожий на другие – тоже день,
Свет вечерних тихих окон – тоже свет.
Для кого-то – бытовая дребедень,
А кому-то – давней юности привет.

Бездна серая в квадратной полынье,
Над безмолвием, звенящим как металл.
Плети ливня злобно хлещут по золе
Той весны, в которой я недогулял.

Мне б её у всех бессовестно украсть
И следов бы не оставить никаких.
Мне бы с нею заблудиться и пропасть
В лабиринтах переулков городских.

Перед ней бы тайны прошлого открыть,
И о грешном рассказав, и о святом.
Всё у всех на этом свете может быть,
А меня не ждут, похоже и на том.

На судьбу глухих проклятий не шепчи,
Если выпало споткнуться и упасть.
Кто хозяин – у того и все ключи,

Кто в законе – у того и масть, и власть.

И в какие ни звони колокола,
Не ответят те, кому не веришь ты.
Укрывают позолотой купола
Вечный ужас неизбежной темноты.

И покуда свежий ветер для других
Зажигает красно-жёлтые огни,
Запивай горячим чаем горький стих
И мечты как мух назойливых гони!

Становясь таким же твёрдым, как кремень,
Не жалею о том, к чему возврата нет!
День, похожий на другие – тоже день,
Свет вечерних тихих окон – тоже свет...

СЕКТА

Пропаганда пьянит сильнее,
Чем запретный укол под кожу.
Я живой и жалеть не смею,
Что до этого дня я дожил.
Вместо дряхлых радиоточек —
Соцсетей бесконечный гомон,
Где любой – даже кто не хочет,
Предстаёт перед всеми голым,
Вместо мёртвой партийной прессы —
Балаган виртуозов слова.
Удовольствие жить под прессом
Получают, как прежде, снова
В тайной секте довольных жизнью,
Мирной секте довольных жизнью...

Их растили такими долго.
В них копилась любовь слепая,
Жажда правды и чувство долга.
Их баюкали, подкупая
Немудрёной мечтой о странах,
Где бесплатно даётся счастье,
Где находишь свою нирвану,
Разбирая себя на части.
День Сурка – бесконечный праздник.
На ветру гордо флаги реют.

Память детства уже не дразнит —
Ведь, как правило, не стареют
В древней секте довольных жизнью,
Вечной секте довольных жизнью...

Им и зрелищ дано, и хлеба —
А о большем мечтать накладно,
Им рукою подать до неба —
Оттого и на солнце пятна.
И плодятся они в неволе,
Хоть любви и не знают вкуса.
Если кто-то кричит от боли —
То предатели или трусы.
Ибо твёрдо усвоил каждый,
Что судьба – это вещь простая.
Промахнётся вожак однажды —
И ощерится волчья стая
В злобной секте довольных жизнью,
Мрачной секте довольных жизнью...

Чем закончится эта сага —
Победители всем расскажут.
Стерпит лозунгов ложь бумага
И на полки архива ляжет.
Запах тления всё сильнее
С каждым месяцем, с каждым годом.
Поколения сатанеют.
Но толпа, даже став народом,
Самых буйных затопчет лихо —

И забудет про суть протеста,
По домам разбредётся тихо
И привычно уступит место
Сытой секте довольных жизнью,
Дружной секте довольных жизнью...

МАРГИНАЛ

Просыпаюсь по утрам рано,
Чтоб врубить любой музон громко.
Пусть соседям за стеной странно.
Им всё в кайф – а у меня ломка!

И холодная постель душит.
И привычна во дворе слякоть.
А когда-то ведь имел душу.
И другим не позволял плакать!

Я назло всему еще молод,
Хоть сутулю иногда плечи.
А что лупит по вискам молот —
Так ведь творческим же был вечер!

Ядовитые травил байки,
Надоевшие давно жутко.
А когда-то был – почти зайка
И беззлобную любил шутку!..

Мне плевать, что за спиной шепчут
И не важно, что в лицо скажут.
Будет Землю покидать легче,
Не оставив и следа даже.

Я и сам себя сужу строго
За отсутствие большой цели.
Ведь когда-то же искал Бога...
Где ж вы, сволочи, его дели?!

Елена Гаращук

УТРО

Уже рассвет забрезжил за окном,
И первый луч лицо шутя щекочет.
Не хочет просыпаться старый дом,
И даже кот вставать еще не хочет.
Лучу-задире просто улыбнусь,
Кота поглажу, глаз не открывая.
Лишь после окончательно проснусь
И бодрости всем близким пожелаю.
Начнется утро с кофе – как всегда.
Хотя нет, прежде – за детей молитва!
Пусть обойдет их горе и беда,
Друзей не будет в жизни подлых, хитрых.
Богатств несметных не прошу для них,
Все сами заработают, как смогут,
Пусть ангел добрый охраняет их
Повсюду – на работе и в дороге.
А главное – здоровье и любовь,
Без всяких склок, без зависти и боли,
Всевышнего прошу я вновь и вновь
Для девочек своих счастливой доли...

Затем захватят хлопоты в свой плен.
Промчится день, что даже не замечу.
И на вопрос: «Как жизнь, без перемен?»
«Да, слава Богу!» – весело отвечу.
Бывает, что в сердцах произнесешь:
«Скорей бы день прошел, я так устала...»
День – это миг, в котором ты ЖИВЕШЬ.
А этих дней у жизни ох как мало!
Давайте жизнь свою не проклинать
И улыбаться солнцу на рассвете!
Пусть хочется любить, творить, мечтать,
Пусть будут живы и здоровы наши дети!

Колокольчик

В наше время детей удивить очень сложно —
Мандарины заморские есть круглый год,
Изобилие ёлок цветов невозможных...
И куда-то спешащий, угрюмый народ.
А вы помните, дети советской эпохи,
Слюдяные снежинки, из ваты шары?
Кто сказал, что тогда нам жилось очень плохо?
Лично я не припомню прекрасней поры!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.